

БАБА МАНЯ

Рано утром баба Маня наскоро одевалась, пила чай с баранками и быстро, как могла, пробиралась к театру, к тому месту оцепления, от которого особенно хорошо была видна большая яркая афиша «Норд-Ост». Тут она начинала ходить с иконкой в руках вдоль оцепления, вздыхая и роняя слезы. Рано или поздно на нее обращал внимание какой-нибудь журналист, спрашивал ее, кто она и отчего горюет. И вот уже через несколько минут она рассказывала в камеру, как ее единственная дочка, кровинушка, с внучком отправилась на спектакль, и вот теперь сидят они там под дулами злых чеченцев, а она тут горюет и покоя не знает...

Бабу Маню жалели, успокаивали, давали ей горячий кофе с холодными пирожками или подсохшими бутербродами, а иногда стыдливо совали и деньги. А она вспоминала, как хорошо было при советской власти, и расписывала журналистам свои старческие беды.

Поздно вечером усталая, едва держащаяся на ногах, она убредала домой и засыпала со счастливой улыбкой на устах. А с утра вновь спешила к театру, к всеобщему вниманию и сочувствию – рассказывать про дочку и внучка, которые в заложниках...

Дочка у бабы Мани была. Была и внучка. Только жили они далеко – на Дальнем Востоке, и в Москву не приезжали много лет. Когда дочка вышла замуж, баба Маня, тогда еще крепкая властная женщина, схоронившая двух мужей, отказалась принять дочкиного мужа, а тем более прописать его в своей московской огромными трудами нажитой квартире. Те помаялись-помаялись, да и уехали на Дальний Восток к родне мужа, где и осели. Но ни писать, ни звонить с тех пор дочка матери не стала.

Когда соседки спрашивали бабу Маню о дочке, та сурово поджимала губы: родную мать продала, на мужика променяла! Где-то в глубине души, глубоко-глубоко, на самом доньшке чувство неправоты трепыхалось замороженным птенчиком, но баба Маня сжимала губы, и птенчик пугался и замирал.

Звездный час бабы Мани быстро кончился. Театр штурмовали, террористов поубивали, и бабе Мане некуда стало приходиться. Одиночество навалилось с новой силой. Вечерами она пила чай с баранками, листала альбом с фотографиями, на которых была и еще маленькая, и уже взрослая дочь, но не было внучки, и незаметно для себя плакала...

РУСИК

Утром корреспондент «Русского вестника» Степан Соболев вышел из казармы на плац и почувствовал легкое свежее дуновение со стороны гор. Неужто с дальней снежной гряды натянет облаков и прольется наконец-то дождь? У комендатуры в кружок стояли разведчики. Бритый затылок Макса весело поблескивал на солнце. В ногах у ребят круглился мяч. Степан удивился: в футбол? С утра? Побрел через пыльный плац к ним, узнать, когда ожидается вертушка. Уже подходя, почувствовал: что-то произошло. Даже вечно невозмутимый Макс... в общем, как говорится, лица на нём не было. Чуть не спросил, что случилось, но вовремя опустил взгляд на мяч. Его сразу прошиб пот: из асфальта плаца торчала голова! Вид такой, словно человек закопан в землю. Да только плац – асфальтовый, не закопаешь. Тут только дошло – голова отрезана. Степан сделал полукруг и увидел лицо – это был Русик. Русик смотрел на стоящих вокруг него широко открытыми удивленными глазами. Он смотрел и словно бы спрашивал: неужели такое могло случиться со мной?!

Полковник уехал в Моздок, и Степан упросился с ребятами в инженерную разведку. Стояла страшная жара, но на инженерную разведку все ходили в полной экипировке и в брониках. Что такое пройти несколько десятков километров по пыльной горной дороге за БТРом под палящим солнцем – это не объяснить, это надо почувствовать. Журналисту ещё хорошо, у него под броником была только легкая рубашка с коротким рукавом – ни разгрузки с гранатами-патронами, ни аптечки, ни НЗ, ни автомата. Да и пешком он шёл только по поселку, а потом Макс сажал его на броню БТРа. Но даже смотреть на бредущий в знойном пыльном мареве отряд было тошно. И только Русику все нипочем. Поджарый, неутомимый и подвижный, как ртуть, он, дай ему волю, пробежал бы весь маршрут вдвое быстрее отряда.

Буквально с первых часов знакомства Степан невольно постоянно их сравнивал. Макс и званием постарше, и покрупнее, явно сильнее и крепче. Русик – легкий, сухой, нервно подвижный, на вид хилый. Однако как раз именно он отчего-то казался опасным. «Как бритва» – как-то сразу сложилось в голове определение. Из-за имени Степан поначалу решил было, что Русик татарин или кавказец, тем более, что и внешностью он был явно не рязанский парень, но оказалось – русский, и даже крещеный, и даже крестик не снимая носил под тельняшкой. А имя – на имени, как оказалось, настояла бабушка-интеллигентка, большая любительница Пушкина. Хорошо еще, не Рогдай – пошучивал Русик.

Как человек штатский корреспондент Соболев всегда думал, что на БТРе ехать комфортнее, чем на БМПшке, ну – тут резиновые дутые колеса, а там железные гусеницы. Как сказал, услышав его некомпетентное мнение Макс, – отнюдь. Еще по ровной дороге и на небольшой скорости – туда-сюда, а по разбитому пути и на скорости – не приведи Бог, всю душу вытряхнет... Впрочем, инженерная разведка дело нескорое. БТР ползет не шибко быстро, саперы с щупами и миноискателями должны обшарить все обочины, кинолог с собакой – проверить все подозрительное. Закладка может оказаться и в дренажной трубе, и в небрежно брошенной автопокрышке, и в безобидной, на первый взгляд, коробке из-под телевизора...

И вот что странно, едешь по Грозному и думаешь: какое гиблое место, кругом скелеты домов и из-за каждого в любую секунду может ахнуть выстрел, и ты грохнешься о пыльную землю, перестав существовать. А выберешься за пригород на равнину – снова неладно, торчишь, как три тополя на Плющихе, видно тебя со всех сторон, словно голого. Из любого овражка хоть за полкилометра тебя снайпер может – щелк! И все... Едешь на броне – боишься стрелка, едешь внутри – броня вроде! – так думаешь про гранатометчика или фугас... Ну, ладно журналист недельку побудет, адреналинчику хлебнёт от городского сплина и отбыл, а ребятишкам вот этим, что растрюхав сухие от жара губы бредут за БТРом, им полгода, изо дня в день...

Как все-таки это странно: огромная страна живет себе обычной мирной жизнью, люди нервничают в пробках в больших городах, доят коров и копаются на огородах в полупустых деревнях, смотрят на пролетающие поезда в пристанционных поселках, торгуют, пишут диссертации, добывают нефть, ловят рыбу и скучают в офисах, ходят в кино, в гости, жарят на даче шашлыки, вечерами смотрят сериалы, пьют водку, ругаются и любят друг друга, а тут – война. Застыло в самом зените сухое чеченское солнце, ползет над холмами жидкий черный дым от нефтяной вышки, редкие порывы ветра скрипят жестью разбитой крыши развалин придорожного дома, время сгущается и оглушает напряженной тишиной ожидания. Ничего не случается, но может. Может. Может случиться. Конечно, и в каком-нибудь Козельске люди умирают. В том числе и неестественной, преждевременной смертью. И все же это какая-то другая смерть...

Русик ничего странного в этой войне не видел. Ну еще одно проявление человеческой сущности («сучности», как он говорил). Человеку одинаково естественно любить ближнего своего и ненавидеть. Жизнь такова, какова она есть. И все! Русику даже нравилась война, тут всё на виду – и трусость, и храбрость, и ум, и хитрость, и подлость, и широта души... Уж лучше, чем в колхозе корячиться на разваливающемся тракторе за гроши или быть бесправной шестеркой с незаконной «пушкой» у какого-нибудь крутого держателя кучки ларьков в Урюпинске. Если ты человек – в армии не пропадешь. А что дальше? А что об этом думать? Что будет, то и будет...

В тот день маршрут дался как-то особенно тяжело. Виной ли тому был уже несколько дней сухой тяжестью наливающийся зной или сразу несколько взрывов, прогремевших в последние дни, – неизвестно, но когда отряд подтянулся к ВОПу, все тут же молча расселись, кто где –

вдоль бруствера, на скамейке у землянки, на броне БТРа. Солдатик выволок из землянки бачок с прохладным компотом, и все принялись жадно пить. Пили до тех пор, пока в животах не забулькало. Ясно было, что все это через полчаса на обратном пути выйдет обильным потом, но все равно пили. И Макс не стал делать замечания.

ВОП – взводный опорный пункт, небольшая земляная крепость на склоне горы у шоссе. На шоссе милицейский блокпост, а бойцы опорного пункта прикрывают его. Здесь все утоплено в землю: ходы сообщения, палатки, блиндажи, станковый гранатомет и даже баня, и столовая, и качалка с самодельными штангами и гантелями. Бойцам здесь жить, конечно, тревожнее, с одной стороны, но с другой – проще, все свои, всё своё, подальше от придирчивого начальства.

Степан забрался в тень блиндажа, присел на патронный ящик у амбразуры. Отсюда хорошо просматривался и Грозный, и пригород, и степные склоны предгорий с чадящими черным дымом нефтяными вышками, и пустые пыльные проселки, бессмысленной паутиной опутавшие окрестности.

– Стреляют редко, боятся. Блокпост иногда ночью обстреливают. Весной одного убили. Но, в общем, не так, как раньше... – Совсем молоденький солдат-срочник со снайперской винтовкой в руках, словно на занятиях, старательно отвечал на вопросы корреспондента, не забывая оглядывать окрестности.

Уже когда отряд уходил с ВОПа, один из солдатиков окликнул Русика:

– Русик, забрал бы ты от нас Борьку, лает всю ночь, и так на нервах, так еще и не выспаться! Да и крыс еще дохлых везде напихает... Забери его в Грозный, там, может, к кому прибьется.

– А зачем заводили, если не нужен? О чем думали, разве не знаете, что мы в ответе за тех, кого приручили, бездари окопные?

– Да кто ж его заводил, он сам из поселка прибег, там жителей никого не осталось, вот он и приبلудился к нам. Надоел хуже редьки, мы прогоняем, а он не идет...

– Так он у вас чеченский засланец? Шпионит тут?

– Ну, вроде того...

Русик присел на корточки, позвал: «Борька, Борька».

Пес в надежде на неожиданный кусок, виляя хвостом, подбежал. Русик приобнял его за шею, плавно вынул откуда-то нож, сделал резкое движение и, быстро поднявшись, отшагнул, а Борька с бьющей из горла струей крови повалился в пыль, захрипел, заскреб лапами. Кровь впиталась в пыль и моментально почернела.

Все молчали. Когда пес вытянулся и затих, Русик поднял с бруствера какую-то ветошку и вытер нож.

– Ну что, – как ни в чем не бывало, сказал он, – чего стоим, кого ждем? – и тронулся к БТРу.

Уже на подходе к пригороду сказал несколько ошарашенному Степану:

– Это я не по злобе. Это самый простой способ решения проблемы...

Ночью все сидели на «офицерской половине» и пили коньяк из странных металлических стаканчиков.

– Это колпачки от мин, – заметив, как Степан разглядывает «посуду», сказал Русик. И пообещал: – У меня есть штук шесть, я вам подарю. Фронтной сервиз...

Снаружи густела южная непроглядная темень. Окна занавешены «от снайперов», и вентилятор гонял по комнате теплый, тяжелый воздух, создавая видимость прохлады.

У дверей, вздыхая и шаркая сапогами, маялся часовой.

– Хорош вздыхать! – прикрикнул на него Макс. – Сменяться будешь, налью рюмашку, – и, оборачиваясь к Степану, – вот, читайте, – выложил из папки листовки боевиков, расценки за убитых «федералов»: рядовой – два барана, полковник – десять, фугас поставить – сто долларов, БТР подбить – пятьсот... Что такое сто долларов в Грозном, где нет работы и не на что существовать? Любой чеченский подросток возьмет мину и или подорвет русского солдата или подорвется сам...

– А это на память, – Максим выложил на стол тяжелый кусок рубчатого металла – осколок от фугаса. – Этот ничью жизнь не прервал... А вот с помощью этой штуки, – чёрный футляр от аудиокассеты, начиненный электроникой, – как раз такие фугасы и взрывают. Вот тут замыкается цепь и... Насмотрелся я на подорвавшихся.

Максим щелкнул крошечным тумблером, и прибор принялся тикать и мигать миниатюрным датчиком.

Разговор за столом гудит сразу во всех направлениях, и чем меньше в бутылках жидкости, тем громче слова и жестче темы. Кто-то вдруг вспомнил, как Русик выследил и поймал снайпершу.

– Русик, ты правда ее трахнул?

– Правда. Красивая была. Была бы уродиной, я ее там же и оставил бы. С дыркой в голове.

Снайперов ненавидят все. Примерно так же, как боевики ненавидят контрактников и лётчиков.

– Мы иногда выходим на радиочастоты боевиков, а они иногда на наши частоты, – вклинился в разговор уже сонный, обычно молчаливый радист. – Вот на днях вышла на нашу частоту женщина, поговору хохлушка, и говорит, мол, Ваня, готовься, я на тебе скоро доллары заработаю! Но и она, сука, знает, что живой ей в плен лучше не попадаться...

Почему-то женщин-снайперш ненавидят особой ненавистью. Видно, из-за того, что обидно здоровому, сильному мужику умереть от пули слабой бабы, к тому же стреляющей в тебя из ниоткуда и в любой момент. Да еще и стреляющей в тебя словно в мишень в тире – за долларовый приз...

– Они ведь почему в снайперши идут, – толковывал Степану радист. – Они всю жизнь в спорте, в стрелковом там или в биатлоне. И все время на пятых да на десятых местах, а годы идут, а профессии нет, а гордость заедает, да и к жизни к вольной привычка. А тут деньги, большие деньги. Ну и ломаются. Русские даже встречаются. По убеждению-то мало, в основном, из-за денег, профессионалки...

Ночью пошел-таки дождь. Казалось бы, под стук капель о стекло, под шелест мокрой листвы за окном, в наступившей наконец прохлადе спать должно было бы особенно уютно. Но – не спалось. Вертелся в черном космосе мозга хоровод непрощеных мыслей – ни о чем и обо всем разом. Отчего-то не шла из головы история со снайпершей. Представлялось, как все это было. Пыльная, с запахом пороха комната в разрушенной многоэтажке, переломанная ударом тяжелого ботинка винтовка с оптическим прицелом, грязный полосатый матрас в углу, худой полуголый Русик, испуганные глаза женщины, ожидающей смерти, прерывистое дыхание и крестик, мерно качающийся над ней...

Потом в который раз серыми змеями поползли из дальних закоулков души старые вопросы. Вопросы, ответа на которые никогда не найти. Зачем война? Зачем жизнь? Зачем ты приехал сюда? Что изменится в мире от того, что ты, малоизвестный миру Степан Соболев, из не так чтобы уж очень читаемого «Русского вестника», две недели проведёшь среди этих ребят, под этим чужим солнцем? Кто тебе – Макс, Русик и другие? Кто ты им? Штатский дядька, приехавший на войну то ли за славой, то ли за деньгами, то ли из-за наивной романтики городского интеллигента? И хотя они довольно быстро приняли Степана как своего, он понимал – между ними невидимая стенка. Он здесь – но не с ними...

Отчего-то захотелось посмотреть на крестик. Степан вытянул его за черный шнурок, поднял к глазам. Поблескивая в лунном отсвете неплотной светомаскировки, алюминиевый Сын Божий раскинул руки на кипарисовой перекладине, и Степан смотрел на него, а он, может быть, смотрел на Степана. Почему же он, Степан, ничего не чувствовал этого? Почему не приходят к нему долгожданные ответы? Кем брошен он куском мыслящего мяса в этот дикий круговорот человеческой глупости, тупости и злобы? И зачем?..

Утром в дверь просунулся Русик с трехлитровой банкой прохладного компота:

– Вас полковник просит подойти. Вернулся из Моздока. Вот попейте... После вчерашнего...

В Моздок Степан с Русиком должны были лететь вместе, но накануне из Ханкалы в часть на зеленом бронированном уазике приехал «финик» – капитан-финансист, привез ведомости, какие-то документы, и вечером Русик отпросился с ним в Ханкалу, чтобы в Моздок добраться уже оттуда.

– У меня там кореш, сто лет не виделись! – канючил он у Макса, и тот в конце концов сдался. Отпустил:

– Только не пить у меня, не пить! Хотя бы не до свинского визгу...

– Не увидимся, наверное, уже, – Русик приобнял Степана на чеченский манер – плечо к плечу – и, сунув в руки сверток с обещанными «стаканчиками», прыгнул в уазик. – Газетку со своими статейками пришлите обязательно!

Уазик стрельнул синим выхлопом и сорвался, попылил по проселку в сторону Ханкалы.

– И чего он с фиником сорвался, – недовольно пробурчал вдогонку Макс, – утром вертушка, полетел бы как белый человек и без лишнего риска...

Русик смотрел широко открытыми удивленными глазами. Степан почувствовал, что немного сошел с ума. Что все они, пожалуй, немного сошли с ума. Да что там, вся земля слегка тронулась. Отчего-то на память пришло древнее азиатское поверье: если у верблюда в глазах человек отражается по пояс, значит, верблюд молодой, если во весь рост – старый верблюд. В глазах у Русика они отражались всей группой, хотя Русику не было еще и тридцати. Он смотрел и словно бы спрашивал: неужели такое могло случиться со мной?!

Из комендатуры в сопровождении коменданта вышел боец с полиэтиленовым пакетом. Он нагнулся над головой и застыл. Все поняли, что он никак не может решить, как положить голову в пакет. Взять за

волосы? Он положил пакет на плац и, видимо, хотел вкатить голову в пакет, но представил себе это и снова застыл. Наконец, словно очнувшись, Макс присел на корточки, аккуратно приподнял голову ладонями и осторожно опустил ее в пакет. Комендант с солдатом ушли, а остальные постояли немного, тупо глядя на темное пятно на асфальте, и побрели к казарме.

– Ночью подбросили, почему-то к мечети, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Макс.

Часа через два над казармой затарахтела вертушка, следующим утром в Моздоке корреспонденту «Русского вестника» Степану Соболеву повезло попасть на случайный борт, и в тот же день он уже шагал по беспечно-деловой Москве. В переходе метро взгляд его зацепил наклеенный в спешке плакатик СПС: «Вместе остановим войну!» Плакатик этот, как ни странно, не вызвал у Степана совершенно никаких эмоций. В голове его было пусто. Совершенно пусто...

У ДОКТОРА САМКО

В кубрике доктора Самкова чисто и уютно. Стеллажи с медикаментами, топчан, две железных кровати, в углу газовая печка. Меня привели к нему вечером «на подселение», и он спокойно указал мне на кровать:

– Спать будете здесь...

Утром в лазарет заскочил командир разведчиков Макс, похвастался доктору:

– Мы уже железа в свою комнату натаскали!

– Зачем?

– Заниматься. Повышать свою физическую немощь!

Доктор тоже озабочен натаскиванием в свой медкубрик всяческого «железа». Все, что может пригодиться в хозяйстве, тут же попадает в поле зрения доктора и приспособливается в дело. Веревочка? Пойдет и веревочка. Полочка? Тем более пригодится. И жилье доктора в считанные дни стало самым уютным, чистым и приспособленным для жизни и для работы в комендатуре. Может, и поэтому тоже сюда любят забегать на огонек офицеры.

Однажды вечером доктор организовал для меня просмотр видеоматериалов, изъятых у боевиков. Удивительно, с какой скрупулезностью боевики фиксировали каждый теракт, каждую смерть.

Вот по экрану телевизора ползет российский БТР с бойцами на броне. Молодые веселые лица, мирный горный пейзаж... Взрыв – и люди, словно тряпичные куклы, разлетаются в разные стороны, а автоматные трассы, протянувшиеся откуда-то из-за спины снимающего, добивают уцелевших. Вот другой сюжет. Молодой пленный офицер. Лейтенантик. Крупным планом его лицо, лицо человека предчувствующего смерть, но надеющегося на чудо. Боевики улыбаются, шутят, похлопывают пленного по плечам. Разговаривают между собой, вроде как советуются:

– Может, отпустим парня, смотри, какой молодой. Жена, наверное, молодая, ребёнок. Есть жена-ребёнок?

– Есть, – силится улыбнуться офицер – он всё ещё надеется. Хотя нам, глядящим сейчас на экран, ясно, что с ним играют, как кошки с мышкой.

И чуда не произошло: звучат выстрелы, и человек падает. А оператор крупным планом показывает его паспорт...

– Я ведь тоже однажды чуть не погиб, – словно бы нехотя, под впечатлением увиденного, рассказал доктор. – Куда-то торопился и вдруг споткнулся буквально на ровном месте. Упал, и тут же сзади просвистело, и прямо передо мной пуля в землю! Если бы стоял, был бы убит...

По вечерам, выключив свет, мы с доктором слушали поселившегося за печкой сверчка. Гуденье огня, красные блики из приоткрытой двер-

цы, сверчок – просто мирная идиллия. Если бы не выстрелы за стеной и далекие взрывы.

Одним таким вечером доктор Самков сказал:

– Завтра пойдём в лазарет, познакомлю вас с боевиком...

Его звали Мовсар. Захватили раненым в боевой стычке. Одну пулю, попавшую в живот, доктор вытащил, а вторую еще предстояло удалить. Боевик лежал в лазарете комендатуры, он уже пришёл в себя, и мы пили с ним чай с карамельками и печеньем и тихо разговаривали.

– Ну, забрали-то меня насильно, дали пистолет Стечкина и в первом же бою ранили.

– Все они так говорят, – проворчал контрактник, которого приставили стражем к раненому. – Мол, нигде не был, ни в чём не участвовал, не виноватая я... – Пока мы разговаривали, контрактник чистил автомат. Одна из деталей очищалась с трудом и, заметив это, Мовсар, мимоходом повернувшись к нему, сказал:

– Это надо не тряпочкой чистить, а песочком.

Тут же в лазарете повисла тишина. Каждый подумал: откуда же человек, не державший в руках оружия, знает такие тонкости?

Мовсар и сам понял, что прокололся.

Про войну говорить не хотелось, и разговор зашёл о горском гостеприимстве. Мовсар оживился.

– Теперь всё не так. Если ты в Чечню приезжаешь, даже если в гости, за тобой сразу начинают смотреть. Если у солидного, уважаемого человека гостишь, – тебе бояться нечего. Если у простого какого-нибудь – украдут. Могут потом продать или заставить работать, или будут выкуп требовать у родственников, а если что – так и убить могут.

– А мулла – уважаемый человек, слушаются его?

– Конечно, уважаемый, обязательно слушаются.

– Ну, а вот если мулла скажет боевикам: бросайте оружие, живите мирно?

– Его убьют сразу. Такое мулла не должен говорить. Уже были случаи – убивали...

– Мовсар, если бы тебя раненого не федералы захватили, а свои унесли, где бы ты сейчас был?

– Скорее всего, в Панкиси, в Грузии. Я там уже был однажды, раненых сопровождал.

– И как же вы туда добирались?

– Просто, по дороге. Пограничникам заплатили и проехали. Если большая машина или автобус – сто долларов с человека, если легковушка – двести за всю машину. Автоматы-пулеметы мы с собой не везли, а вот гранату, пистолет или кинжал можно было с собой брать, нас не обыскивали.

– А грузинским пограничникам платили?

– Зачем? Они нас боятся. Там чеченцев больше, чем грузин, мы там хозяева.

– Мовсар, неужели ты всерьез веришь, что вы победите российскую армию?

– Вашу армию ваши же политики победят... А вообще-то, надоело все это. Если из этой истории выпутаюсь, уеду...

– Куда?

– К дяде, в Воронеж уеду, у него там свое дело...

...Три дня я мотался по окрестностям Грозного, ночевал, где придется, страшно устал и заработал бессонницу. Вернувшись под крыло Самкова, я не выдержал:

– Доктор, третью ночь заснуть не могу, выручайте.

Доктор оживился, поставил чайник, он явно был рад тому, что я вновь развеял его одиночество. Под сип старого чайника он пошарил на полках и, найдя искомое, аккуратно ссыпает мне в ладонь пару таблеток из стеклянного пузырька и всё время говорит.

– Наши в Мескер ездили, самовар взорвали.

Мескер – это Мескер-Юрт, поселок на трассе Аргун – Шали, а «самовар» – подпольный мини завод по перегонке нефти в бензин. Этот паленый бензин продают на Кавказе по всем дорогам и рынкам с нагло-ватонаивными надписями «бензин из Волгограда» или «ростовский». Покупатели понимают, что бензин местный, продавцы понимают, что покупатели понимают, но все делают вид, что никто ничего не понимает – и милиция, и власти. Одни боятся, другие просто «имеют».

– Закладывают они заряд, Антон из разведроты рассказал, подходит к ним мужик, говорит: даю сто тысяч – и вы взрываете что-нибудь другое, а самовар не трогаете. Наши говорят, ну в шутку, поторговаться, – мало. Он – сколько? Наши – миллион. Он подумал и говорит: нет, дорого. А что ему – ему проще в другом месте новый самовар поставить. Там же нефть – в метре под поверхностью земли. Яму выкопай – наутро в ней нефть скопится...

Они мне вчера принесли сувенир, – доктор бросил на стол красную корочку, – удостоверение правительства Чеченской республики.

Я раскрыл удостоверение, прочитал: «Заместитель министра республики Чечня. Министерство здравоохранения».

– Главное – удостоверение настоящее, – доктор поднял вверх указательный палец, – но изъяли его у молодого парнишки, который на такую должность попасть никак не мог. Так при проверке и оказалось. Однако кто, как и когда выдал удостоверение молодому проходимцу, не выяснили. Да и не выяснят... О! А не желаете с рабами побеседовать? – вспоминает доктор. – Только что наши освободили, из-под Дуба-Юрта, что ли, доставили...

Дохлабав чай с пересушенным печеньем, мы вышли из медпункта.

– За один раз двенадцать человек освободили, – делился доктор по дороге. – Из небольшого, в общем-то, аула. Я бы вот этих правозащитников, которые за чеченов, сюда на экскурсию возил бы. Пусть бы посмотрели... Остальных уже отправили, а эти двое колонны или борта ожидают.

Они сидели на табуретках в «камбузе» и чистили картошку. Заросшие, прокалённые солнцем, с выпирающими скулами, в солдатских бушлатах и армейских же берцах. Один постарше, лет пятидесяти, второй довольно молодой. Картофельная шелуха из-под их ножей медленным серпантинном опускалась в один бак, а очищенная картофелина летела в другой – с прозрачной водой... «Рабы», – повторял я про себя, и так и эдак примеряя слово на этих небритых мужиков совершенно рязанского вида. «Рабы...» Слово легко вызывало ассоциацию с учебником по истории – за какой там класс? – с фильмом про Спартака, но никак не ложилось на этих доходяг...

ВРЕМЯ СУДЬБЫ

Крым. Гора Клементьева. Ночь. Палатка. Из парапланерного бара неподалеку доносится веселая музыка. Мы с Васей лежим в палатке, уставившись через откинутый полог на густые южные звезды. Вася вздохнул:

- Сон не идет, может, в бар сходить, пивка выпить?
 - Пуркуа бы и не па? – откликнулся я.
 - Да лень вставать.
 - Ну так не ходи.
 - Дак пивка-то хочется.
 - Ну так иди.
 - Потом всю ночь в туалет не набегаешься...
 - Ну так не ходи.
 - И лежать с выпученными глазами неохота.
 - Ну так иди.
 - Лень что-то.
 - Ну так не ходи.
- Вася повернулся, повздыхал и поднялся.
- Чего без пользы валяться, пойду все-таки.

Вернулся он через час совершенно пьяный. Попытался войти в палатку не сгибаясь, потом долго не мог раздеться, утверждая, что никак не может снять кроссовку с третьей ноги, потом начал подробно рассказывать, как пиво к его приходу неожиданно кончилось и, – ничего не поделаешь! – пришлось пить коньяк. Потом мы принялись смеяться; смеялись, смеялись и уснули далеко за полночь...

Где-то не так уж и далеко спал той звездной ночью украинский офицер, который утром на учебных стрельбах ПВО нажмет кнопку «пуск» и запустит ракету С-200 «земля-воздух». Вася в компании пилотов будет летать на параплане в Тихой бухте на высоте метров триста над береговыми склонами, когда С-200 сверкающей сигарой со страшным ревом пронесется совсем рядом с его парапланом, напугав до полусмерти. А через несколько минут она ударит в пассажирский авиалайнер рейса «Новосибирск – Тель-Авив» и собьет его, погубив 78 мужчин, женщин и детей...

Крым. Гора Клементьева. Ночь. В парапланерном баре умолкла музыка, и погасли огни. Даже цикады примолкли. Густые южные звезды плывут над Коктебелем, над Карадагом, над сонным прибоем Тихой бухты. Похрапывает в темной палатке Вася. А время бесшумно и неустанно идет и идет, ведя каждого навстречу его судьбе...

КРАСНЫЕ БОТИНКИ

Она была совсем молоденькой, но казалась ему взрослой женщиной, ведь самому-то ему не было еще и восьми. Она была очень красивой, любила все яркое, пестрое. Она часто пропархивала мимо их увитой плющом и виноградом огады, словно большая веселая бабочка, и всегда улыбалась ему, а один раз остановилась и спросила:

– Когда вырастешь, красавчик, выйдешь за меня замуж?

Он страшно смутился, но сумел храбро ответить:

– Да!

– Смотри не обмани, красавчик!

И потом много дней подряд он все думал со сладким нетерпеньем в сердце: я красавчик, скорее бы вырасти, скорее бы стать большим...

...Немцы пришли в городок без стрельбы – буднично промаршировали по главной улице и деловито расселились по квартирам. В их небольшую усадьбу вселились офицеры. Сосед оказался сторонником фашистов и его назначили старостой. Как же его звали? Брицки? Да – Брицки звался этот человек. Он убежал от красных из России. Он белый был и работал на немецкую контрразведку. Приходил к ним в усадьбу – брал книги у отца для больной туберкулезом жены. Жену он очень любил, а она очень любила читать. И он был отцу благодарен.

Однажды пришел к отцу и сказал, чтобы тот бежал. И отец ушел к партизанам; Югославия тогда была наводнена партизанами. Партизанами, которые за красных, партизанами, которые против немцев и против красных, партизанами-мусульманами, партизанами-хорватами... Отец ушел в горы, а они с мамой остались.

Иногда по ночам в усадьбе появлялись какие-то люди и шептались с мамой и работниками усадьбы. Раза два приходил и отец.

А потом убили Брицки; партизана, который сделал это, ранили и поймали, а жителей поселка согнали на казнь. Они с мамой шли к площади и боялись увидеть, что раненый партизан – их отец. Но партизан оказался незнакомым молодым человеком. Его расстреляли, а потом повесили.

– Сынок, – шептала мама на обратном пути, – если ты будешь кому-нибудь рассказывать, о чем мы говорим в доме, – нас так же повесят. – Тогда он и понял, что слово – это жизнь и смерть!

Вот как раз в те дни ему и исполнилось восемь.

Он не знал тогда, что никогда больше не увидит отца, что после прихода Тито его семья лишится усадьбы, а сам он сбежит из Югославии во Францию, потом в Германию, женится, увидит полмира, переживет и Тито, и саму Югославию...

А девушку арестовали всего за несколько дней до прихода Тито. Даже с синяками на лице и в рваном платье она была красивой. Увидев его в толпе, она едва заметно подмигнула. Ее повесили... Вскоре он забыл ее лицо, забыл, в каких платьях она ходила, голос ее забыл. Но отчего-то на всю жизнь запомнил красные изящные ботинки, в которых она была в тот день. Эти красные ботинки и тонкие изящные щиколотки до сих пор перед его глазами.